

Каким бы могущественным ни был император Шэн Юань, он все равно был человеком из плоти и крови, как он мог не любить красоту? А эта красота по-прежнему была свободолюбивой и необузданной, стойко переносила невзгоды, что все больше и больше захватывало людей. В это время он тихонько подсел поближе, пара огненных глаз неподвижно смотрела на него, и каждый раз, когда женщина выпивала кубок, он вовремя подливал вино, получая удовольствие от обслуживания. Когда она прищурилась и улыбнулась, он снова принял глупый и невежественный вид, боясь, что другой человек сможет обнаружить его внутреннюю сердечную порывистость, что приведет к отвращению.

На сцене Сюй Гуанчжи по-прежнему говорил красноречиво, но каждый раз, когда он приводил аргументы, его опровергала Гуань Суй, стоявшая наверху. Не говоря уже о том, что Цинь Линьюнь и император Шэн Юань были ошарашены, даже Ли Ши, который не знал многих крупных персонажей, чувствовал себя прекрасно.

"Согласно вашим словам, конфуцианские ученые равносильны насекомым для страны и бесполезны?" Цинь Линьюнь лукаво улыбнулся: "Я действительно должен пригласить старого мастера Гуана и дать ему послушать твои аргументы. Блестящий ученик, которого обучал сам конфуцианский мастер, в конце концов, фактически отстраняет его от дел, считая бесполезным."

Гуань Суй была уже слегка пьяна, держа в одной руке маленький кубок с вином и осторожно покачивая его, а другой рукой поддерживая подбородок, ее неторопливое отношение росло без сдерживания. Ее воспаленные глаза встретились с большим человеком из клана Цзюли, и тот немедленно поднял кувшин, чтобы наполнить ее кубок, а основания его ушей тихо покраснели.

Только тогда она усмехнулась и медленно сказала: "Кто сказал, что мои дед и отец бесполезны? Они проповедуют, учат, разрешают сомнения, просвещают маленьких детей, учат их приличиям, морали, праведности и стремлениям. Когда они вырастут в будущем, эти молодые люди, которые знают приличия, ведут себя нравственно, поступают праведно и имеют стремления, станут опорой царства Вэй. Это заслуга просветления, заслуга в обществе, а польза в будущем. Через десять тысяч лет их имена обязательно будут выгравированы в учебниках истории, чтобы будущие поколения отдавали им дань уважения, потому что они преодолели невежество и просветили людей эпохи. Разве вы так не думаете, господин маркиз?"

Цинь Линьюнь потерял дар речи, через некоторое время он сердито достал буддийскую бусину и с сарказмом сказал: "Хорошее и плохое, черное и белое - это все на ваше усмотрение, мы, вульгарные люди, должны просто заткнуться".

Ли Ши сцепила руки и улыбнулась: "Впервые я встречаю персонажа, который может открыто высказать свое мнение Маленькому Юню, накажи его большой чашей вина!"

"Сестра, пожалуйста." Гуань Суй протянула руку, чтобы пригласить, повернула лицо, увидела, что Цзюли смотрит на кубок с вином в своей руке, и не могла не улыбнуться: "Думаешь, скучно пить маленький кубок? Тебе нет нужды прислуживать здесь, иди и выпей с ними большую

чашу". Кончиками пальцев она указала на охранников за соседним столом.

Цинь Линъюнь закрыл лицо, не в силах поверить, что Гуань Суй так естественно приказывает Его Величеству. Что за "не нужно прислуживать"? Если бы она знала личность Его Величества, неизвестно, каким было бы ее выражение лица, могла бы она оставаться такой спокойной и смотреть на все свысока? Наверное, она бы испугалась до слез, верно?

Император Шэн Юань несколько не раздражался, а скорее наслаждался ее заботой. Он действительно пил из большой чаши, но не потому, что ему приелись эти букашки, скорее его завораживали прозрачные кончики ее пальцев, светящиеся, как розовые кристаллы, отчего он на мгновение потерял рассудок. Он покачал головой и честно сказал: "Для этого скромного человека большая честь служить госпоже. Кроме того, слова госпожи очень интересны, и этот скромный человек любит их слушать. В Центральных Равнинах есть поговорка: "Слушать ваши слова лучше, чем читать десять лет книги", которую я раньше не понимал, но теперь она меня глубоко тронула. Послушать несколько слов от госпожи, это эффективнее, чем прочитать тысячи книг".

Гуань Суй развеселилась и махнула рукой: "Не нужно меня хвалить, я и сама знаю себе цену, научные знания не сравнятся с моей бабушкой по материнской линии, а мастерство не сравнится с моим дедом, просто несколько кислых сплетен, все для развлечения. В Центральных равнинах есть еще одна поговорка: "Прочитать тысячу книг не так хорошо, как проехать тысячи миль". Если у тебя есть время, выйди и погуляй по окрестностям, и ты поймешь, что я не более чем это". Пока она говорила, она взяла кубок с вином из рук большого человека, наполнила его лично для него, подтолкнула его вперед и сказала мягким тоном: "Раз уж вам нравится слушать меня, тогда давайте просто выпьем и поговорим, не беспокойтесь о вашем господине маркизе".

Маркиз Чжэньси сразу же кивнул: "Госпожа пригласила вас выпить, вы можете пить открыто. Сегодня нет различия между благородными и низкими, и нет различия между хозяином и слугой". Что касается того, кто хозяин, а кто слуга, они знали это в глубине души, и скрывали это только от Гуань Суй.

Император Шэн Юань притворился глупым, почесал голову, поблагодарил госпожу за награду и наконец выпил вино. Он любил румяные щеки мадам, когда она была слегка пьяна, и любил ее яркие глаза, которые всегда были окутаны туманом. Она говорила мягко и нежно, как перышко по кончику сердца, но иногда властно и оглушительно. Разговаривать с ней было действительно большим удовольствием. Что касается того, что Сюй Гуанчжи сказал внизу, то он совершенно забыл об этом.

Несколько человек собрались вокруг стола, чтобы выпить, и через некоторое время со второго этажа донеслись громовые аплодисменты, и только тогда Сюй Гуанчжи увидел, что Сюй Гуанчжи опроверг последнего ученого-легалиста, и написал четыре слова скорописью - благожелательность невидима.

"Хорошие, хорошие слова!"

"Великий мастер Сюй действительно обладает выдающимися знаниями!"

"Отмените сто школ мысли и уважайте только конфуцианство", - эти слова изысканны! Если мое царство Вэй будет уважать конфуцианство и внедрит благожелательное управление, оно станет непобедимым во всем мире!" Аудитория ликовала, полностью повинулась.

Сюй Гуанчжи поклонился всем под сценой, а затем подошел к дворянину Цзюли, который спонсировал его для проведения десятидневной словесной битвы, и почтительно поклонился. Группа конфуцианских ученых немедленно окружила его, выражая восхищение один за другим, и сцена была очень оживленной.

"Благожелательность непобедима. Эти четыре слова очень властны". Хотя Ли Ши не понимала того, что видела, но она прислушалась к тому, что говорили люди, и спросила с улыбкой: "Сестра, что это значит?"

"Тот, кто осуществляет благожелательное управление, кто возвращает сердца людей, умиротворяя мир, непобедим". Это предложение можно назвать словами мудрости, поэтому император будет продвигать конфуцианство, подавлять многие школы мысли и управлять страной с благожелательностью." Поскольку маркиз Чжэньси был лакеем императора, Гуань Суй легко сказала несколько лестных слов, затем встала и попрощалась.

Как только сладость в сердце императора Шэн Юаня поднялась, она была подавлена потерей, и он поспешно сказал: "Госпожа, пожалуйста, посидите немного, в любом случае, час еще ранний."

"Нет..." Неоконченные слова Гуань Суй рассыпались от гнева, когда она увидела, что Сюй Гуанчжи, который выиграл дебаты, изменил первоначально счастливое событие и попросил ученых-юристов отдать книги, которые они несли, и бросить их в костер, чтобы сжечь. Своими действиями он хотел показать свою решимость упразднить сотни школ мысли и уважать только конфуцианство, но окружавшие его конфуцианские ученые не только не остановили его, но и зааплодировали ему.

Глаза Цинь Линъюня были красными от гнева, и когда он собирался сказать гневную речь, он услышал слабые слова "некомпетентный" в своих ушах, и повернулся посмотреть, это была госпожа маркиза Чжэньбэй.

"Некомпетентные становятся знаменитыми, действительно не имеют стыда!" Гуань Суй сказала более серьезным тоном: "С одной стороны, он продолжает настаивать на доброжелательности и всеобщей любви, а с другой стороны, он подражает жестокой династии Цинь, где сжигали конфуцианскую классику и хоронили заживо конфуцианских ученых, когда слова и действия фактически противоречат друг другу, это очень зловеще! Чтение книг открывало мудрость, чтение книг помогало понять приличия, чтение книг культивировало сердце и разум, создавало подлинное гармоничное чувство. Если Сюй Гуанчжи - серьезный ученый, как он может быть таким враждебным! Даосизм управляет бездействием, объединение монархии - легалист, благожелательность - конфуцианец, ненападение - моголист,

находчивость военного стратега, врачевание - врач... У каждой из Ста школ мысли есть свои сильные стороны, и все они - жемчужины истории и сокровища гуманитарных наук. Грех убить даже полпункта. Сюй Гуанчжи некомпетентен, ты смеешь!".

Она ругала некомпетентного несколько раз подряд, было видно, что она действительно сердится. В это время искусство изготовления бумаги было только что изобретено и еще не получило широкого распространения. Многие бамбуковые плахи были сожжены и уничтожены из-за войны, а книги были чрезвычайно ценны, особенно те книги, которые переписывались с помощью бумаги и кисти и сшивались веревками, которые были бесценны.

Когда Гуань Суй собиралась замуж, она мечтала обменять все свое приданое на книги и не могла. Но Сюй Гуанчжи был хорош, несколькими словами мог сжечь дотла все эти многочисленные классические книги. Пусть она и была непредвзятой, но в этот момент она почувствовала, как в ее сердце вспыхнул гнев, чуть ли не до слез.

Император Шэн Юань чувствовал то же самое, и быстро успокоил ее: "Госпожа, не сердитесь, не волнуйтесь, я пошлю кого-нибудь спасти книги." после этих слов он махнул рукой стражникам, стоявшим в стороне, и тут же несколько человек побежали вниз, чтобы потушить огонь.

"Не брызгайте водой, найдите несколько каменных плит, чтобы подавить горящее пламя." срочно приказала Гуань Суй.

Император Шэн Юань снова сделал жест начальнику стражи, и тот немедленно побежал на задний двор, нашел несколько каменных плит и положил их на ревущий огонь. Пламя затрепетало и стало меньше, пока не погасло, оставив после себя лишь густой дым. Легалисты упали на колени и завывали от боли, а конфуцианцы были в ярости и не хотели отпускать их, схватив нескольких охранников, чтобы допросить их.

Эти люди не хотели утруждать себя, показали свой жетон и быстро вернулись к докладу. Агрессивный дворянин Цзюли полностью остановился, а затем в страхе посмотрел вверх. Казалось, он хотел встать на колени, и его колени уже наполовину согнулись, но его остановил чей-то безжалостный взгляд, поэтому он смог только сжать руки в кулаки с бледным лицом, а затем в оцепенении удалился. Как только они ушли, конфуцианские ученые, чей разум быстро вращался, уже заметили ненормальность и последовали их примеру. Несколько легалистов, пошатываясь и плача, вышли за дверь.

Отойдя примерно на триста футов, Сюй Гуанчжи спросил низким голосом: "Мой господин, кто этот человек?"

"Не спрашивай слишком много". Сказав это, уездный князь Цзин указал в направлении императорского города.

Сюй Гуанчжи сначала был поражен, затем он пришел в восторг, заставил себя подавить сердцебиение и сказал: "Значит, Его Величество видел способности этого скромного человека,

верно?"

"Он увлекается конфуцианством, поэтому у него нет причин не прийти и не посмотреть на битву. Этот принц догадывается, что он приходил не один раз. Вы хорошо выступили. Вы сделали себе имя в Яньцзине. Завтра этот князь будет рекомендовать тебя при дворе". Подумав некоторое время, он сказал: "У тебя самого есть некоторые навыки, почему бы тебе не попросить нескольких мастеров написать несколько рекомендательных слов, так будет удобнее".

"Ученик немедленно посетит различных крупных мастеров. Добрую поддержку принца этот ничтожный никогда не забудет!" нетерпеливо сказал Сюй Гуанчжи.

"Этот князь помогает тебе только потому, что мне нравится твой талант и обучение, не ожидая от тебя отдачи. Иди вперед и будь верен двору в будущем". Уездный князь Цзин казался праведным, но на самом деле он был очень честолюбив. Оба молчаливо поняли, что больше ничего говорить не нужно, и через некоторое время разошлись, каждый занялся разработкой плана.

В здании Венкуй толпа ходила и рассеивалась, и после половины чашки чая осталось всего три или два столика. Слуги в зале были заняты мытьем посуды и уборкой грязи, и тут раздался громкий шум. Личные комнаты на втором этаже были восстановлены в первоначальном виде, ширмы отгораживали обзор, оставляя только один выход.

Гуань Суй сидела прямо, ее костяшки пальцев часто стучали по столу, показывая, что она очень расстроена. Перед ней стоял очаг, излучающий остаточное тепло, а прижатая к нему плита из голубого камня все еще дымилась. Если ее поспешно открыть, то пламя может разгореться вновь, поэтому ей оставалось только ждать.

Император Шэн Юань боялся, что она будет волноваться, поэтому он не мог не убедить ее теплым голосом: "Госпожа, не будьте нетерпеливы, пылающий огонь был подавлен, и книги больше не будут уничтожены. Давайте потихоньку соберем их, когда жар рассеется".

<http://tl.rulate.ru/book/67090/2411785>